

Василий Гонзалес
Молитва Времени

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Гонзалес В.

Молитва Времени / В. Гонзалес — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Этот рассказ - Ваша персональная возможность стать бессмертным. Только автор, кажется, что-то утаил.

Последний раз я его видел больше двенадцати лет назад. Это было первого января, около часа дня. Он сказал, что уходит на поиски бананов для девушки. Его девушка крепко спала после затянувшейся до утра новогодней ночи. Он не был моим другом, я бы назвал его просто своим хорошим знакомым, приятелем. Мы вместе ходили в клубы и на дискотеки, познакомились с девушками, устраивали вечеринки, развлекались. Он был старше меня лет на десять-двенадцать, во всяком случае, так выглядел. С ним было весело, он знал толк в развлечениях, ничего не боялся, был прекрасным собеседником, был абсолютно ненавязчив. Неизменная вежливость, тактичность, иногда доходившая до абсурда, тончайшее чувство юмора и невозмутимость в самых диких ситуациях (а в такие мы несколько раз попадали: все-таки лихие девяностые) делали его прекрасным товарищем. И я рад был бы назвать его своим другом, но он сам тактично, но твердо держал дистанцию. Тем не менее, мы прекрасно проводили время. В течение последних двенадцати лет я нередко с теплотой вспоминал различные эпизоды наших совместных «подвигов». По меркам конца девяностых, он был почти обычным прожигателем жизни с большими деньгами и без определенного занятия. Высокий, атлетически сложенный брюнет с правильным аристократическим лицом. Глубокий шрам, пересекавший лоб, разделявший правую бровь на две неравные части, оттягивавший внешний уголок глаза немного вниз, и заканчивавшийся зигзагом на скуле, не портил его, но придавал мужественность. На мой вопрос, откуда такая красота, он отшутился, мол, упал с лошади. Больше о происхождении шрама я его не спрашивал.

Он был почти обычным. Почти, потому что были в его поведении некоторые странности, но без этого. Например, он обращался ко мне на «вы». В любых ситуациях и в любом состоянии. Мои немногочисленные попытки перейти на «ты» он пресекал, объясняя, что именно обращение на «вы» позволяет ему чувствовать себя свободно в общении со мной. И не только со мной: я ни разу не слышал, чтобы он к кому-то обратился на «ты», даже к мимолетно, одноночно знакомым девушкам. Даже наутро с полотенцем на бедрах. Это было странно, колоритно. Также мне казалась странной его эрудиция. Казалось, что он знает все обо всем. За полгода знакомства мы не затронули ни одной темы, по которой он не смог бы дать грамотного комментария. А говорили мы о многом и подолгу. Мы говорили об искусстве, истории, политике, религии, науке, философии, юриспруденции, словом, обо всем. Обычное дело для двух подвыпивших мужчин волею случая оказавшихся вечером без компании женщин. Мой приятель не только показывал прекрасное знание предмета, но и зачастую имел свой критический взгляд относительно, казалось бы, бесспорных фактов. При этом он часто цитировал наизусть первоисточники: статьи гражданского кодекса, Конфуция, Достоевского, Библию, Коран, я всего не перечислю. Также он бегло говорил почти на всех европейских языках. А что уж говорить о его русской речи. Когда он что-то рассказывал, нередко возникало ощущение, что он цитирует наизусть какую-то книгу. Его речь была абсолютно, ненормально правильной. Я не спрашивал, откуда такой громадный объем знаний. У нас как-то само собой сложилось правило: мы не спрашивали друг друга о прошлом, о роде занятий, не лезли друг другу в душу. Как я и говорил, мой приятель держал дистанцию.

Деньги для него не были проблемой. Даже не то, что проблемой. Его небрежное отношение к деньгам, ценам, вещам говорило о том, что средств у него по-настоящему достаточно. Не просто много, а именно достаточно, достаточно для всего. И он либо к этому давно привык, либо вырос в соответствующей атмосфере.

Иногда его желание веселиться становилось почти отчаянным, с явным перебором: если таблетки – то горстями, если курить – то сигарами, если секс – то непременно групповой, с несколькими девушками. В такие моменты шрам его ярко проявлялся, краснел. Тем не менее,

он оставался вежливым и тактичным, и я старался не обращать внимания на его кратковременные всплески, происходили они нечасто. В такие моменты мне отчетливо было видно, что его эмоциональность была поверхностной, что его кратковременные веселость и энтузиазм – не более чем отчаянное желание себя расшевелить, заставить себя что-то почувствовать. А иногда он мог без объяснений в разгар шумной вечеринки уйти, сказав, что сейчас вернется, и появиться только на следующий день или через несколько дней в своем обычном спокойном доброжелательном настроении.

Его странности были его странностями, были безобидными, и не мешали мне получать удовольствие от жизни в его прекрасной компании. Совместные «подвиги» продолжались примерно полгода. А потом был новый год, первое января, около часа дня. Я вышел из спальни с тяжелой головой и увидел его в прихожей, надевающим пальто. Он сказал, что уходит за бананами для девушки. И пропал на двенадцать лет.

Спустя двенадцать лет после ухода за бананами для девушки, он позвонил мне и заявил, что нам непременно нужно встретиться. Его голос я и узнал-то не сразу, а он говорил так, словно мы расстались буквально вчера.

К этому времени я стал вполне-таки преуспевающим владельцем бизнеса, и успел привыкнуть к тому, что долго отсутствовавшие «друзья», как правило, объявляются в не лучшие для них периоды жизни и, как правило, общение с ними неуклонно скатывалось в плоскость «дай денег». Мне было бы очень неприятно произносить стандартные отговорки: слишком уж теплые воспоминания остались у меня о полугоде нашего приятельства. К тому же эти воспоминания были помножены на двенадцать лет. Образ моего приятеля, события того времени, как водится с воспоминаниями молодости, были отшлифованы, идеализированы. Но он заявил, что денег моих ему не нужно. Также ему не нужен ренессанс отношений. Так и сказал – «ренессанс отношений». И сказал, что не собирается предлагать мне бредовые идеи, как быстро и много заработать. Ну что ж, я согласился.

Приглашать к себе он меня не стал, сказал, что некуда, он проездом. От встречи в кафе или ресторане тоже отказался. Мол, разговор предстоит долгий и конфиденциальный. Одним словом, мой давний приятель напрашивался ко мне домой, в гости. Более того, настаивал на том, что нашей беседе никто не должен мешать, нас никто не должен слышать в течение нескольких часов. Никаких глупостей, вроде ужина или, тем более, спиртного не нужно, но от хорошего «эрл грея» не откажется. Не буду пересказывать, как он меня убеждал, но ему удалось. Я всегда питал слабость к умным людям, а тем более к умным людям с «сумасшедшинкой», и он знал это.

Без двух минут семь на мониторе внешней камеры я увидел подъехавшее к моим воротам такси. И ровно в семь, как договаривались, раздался звонок. Я открыл дверь.

Мой приятель выглядел точно также, как и двенадцать лет назад в прихожей, когда надевал пальто. Нет, я не об одежде. Одежда, как и тогда, была безукоризненна и не привлекала внимания. Меня поразило его лицо. Я примерно представляю, как должен выглядеть мужчина в пятьдесят (а именно столько по моим подсчетам должно быть моему приятелю). У меня также есть опыт встреч со «старыми друзьями», которых не видел пять-десять лет. Но даже если предположить, что мой приятель последние двенадцать лет жил в горах, не пил, не курил, не болел, правильно питался, занимался спортом и регулярно посещал косметолога, то все равно это предположение не объясняло того, что его лицо сейчас было лицом 35-летнего мужчины. И

никаких намеков на пластическую хирургию. Он выглядел точно также, не постарел, не изменился совершенно. И шрам был на месте.

Он заметил мое изумление и сказал: «Ну что ж, очень хорошо... Вам проще будет поверить. Я думаю, обойдемся без объятий и сентиментальных «а помните?». Я, как и говорил по телефону, к вам по делу. Где мы устроимся для разговора?»

Для беседы я подготовил стол и два кресла возле горящего камина. Принес электрочайник, все необходимое для приготовления чая, сигары, шоколад, отключил телефоны, опустил шторы. Своих домашних отправил из дому до завтра. Словом постарался все устроить так, чтобы нам не пришлось отвлекаться от разговора ближайшие несколько часов. Мой приятель уселся в кресло, поставив рядом тяжелый кожаный саквояж, закурил сигару.

– Отлично... Итак, сразу к делу. Я готовился к этому разговору, долго думал, с чего начать. Но не придумал ничего лучшего, чем начать с самой сути. Итак, сколько мне по-вашему лет?

– Ну... Я думаю, около пятидесяти... Должно быть... Но...

– ...Но. Я выгляжу точно также, как в тот день, когда мы расстались, верно? А мне тогда по вашему мнению было лет около тридцати пяти?

– Ну да.

– Отлично. Мне сто семьдесят шесть лет. Исполнилось, кстати, неделю назад.

– П-поздравляю...

– Спасибо. Я родился одиннадцатого апреля тысяча восемьсот тридцать пятого года в городе Санкт-Петербурге. По старому стилю. Я так и праздную до сих пор, по старому стилю. И чтобы развеять вашу мгновенно возникшую уверенность в том, что вы говорите с сумасшедшим, а также сожаления о напрасных хлопотах по организации встречи, я подготовил некоторые доказательства. Извольте ознакомиться.

Мой приятель извлек из саквояжа толстую пачку документов. Бумаги, фотографии, газетные вырезки, паспорта, корочки удостоверений, какие-то металлические пластины. И стал протягивать их мне через стол, сопровождая комментариями. Первой шла запечатанная в пленку желтая страница из метрической книги, гласившая, что одиннадцатого апреля тысяча восемьсот тридцать пятого года в городе Санкт-Петербурге действительно родился мальчик с именем моего приятеля. Фамилия и имя отца совпадали соответственно с фамилией и отчеством. Была указана дата крещения, сословная принадлежность – дворянин, место жительства отца, имя крестившего священника. Также было указано, что обряд крещения проходил в доме прихожанина.

Я сказал, что во-первых, страница из метрической книги ничего не доказывает, да и подделать ее несложно, а во-вторых спросил, для чего ему нужно мне что-то доказывать? Приятель согласился, одна страница ничего не доказывает, что подделать ее действительно несложно. Но он этого не делал. Среди документов, которые он готов мне представить, нет не только подделок, но даже ни одной копии. Здесь только оригиналы. А для того, чтобы убедиться в

его правдивости, я должен внимательно просмотреть все материалы. Зачем ему это нужно, я узнаю позже.

На просмотр всех материалов ушло больше часа. Я видел два его портрета на серебряных пластинах дагерротипов. Один датирован 1855 годом: семейный портрет, мой приятель второй справа, молодой двадцатилетний юноша в мундире. Он стоял вполоборота к фотографу, левой стороной, но его шрам на правой стороне лица был хорошо заметен. «Я не обманул вас. Я действительно упал с лошади, когда мне было восемнадцать лет». Второй 1871 года: одиночный портрет, на нем мой приятель выглядел также, как и сейчас, если не принимать во внимание тонкие усики и бородку клинышком. Аттестат (кандидата) об окончании физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского Университета 1859 года и документ об окончании факультета права Университета Сорбонны 1863 года. Вырезки из «Санкт-Петербургских Ведомостей», датированных от 1872 до 1891 годами, с упоминанием имени моего приятеля. Вырезки из немецких, французских и английских газет, журнал «Известия Императорского Русского географического общества» начала семидесятых девятнадцатого века, писавших о какой-то экспедиции, членом которой был мой приятель. Несколько групповых снимков членов этой экспедиции. Мой гость помогал мне искать его на этих снимках. Паспорта разных государств, датированные от начала до конца двадцатого века. Россия, Франция, Германия, Австрия, Швейцария, Великобритания, Италия, Бельгия, США – гражданином этих стран в разные времена был или является по сей день мой приятель. В некоторых паспортах имена были вымышленные, но на всех фотографиях несомненно было его лицо.

Я видел еще множество документов: водительские удостоверения разных стран и времен, свидетельства о браке, разрешения на постоянное проживание нескольких государств, дипломы об окончании различных университетов Европы, письма, удостоверения, пластиковые карточки. Мой приятель заставлял меня сопоставлять имена и даты в этих документах с именами и датами в паспортах и других документах, читать письма. Я задавал вопросы, много вопросов, просил комментарии. Почти на все получил исчерпывающие, иногда документально подтвержденные, ответы, подробные комментарии. На некоторые вопросы мой гость говорил: «Хороший вопрос. Об этом я расскажу позже и очень подробно». Когда мы закончили изучение документов, он закурил, шрам его покраснел.

– Ну и что вы об этом скажете, мой дорогой друг?

Что я мог сказать? Да, давайте я вместе с вами сойду с ума, и подтверждаю, что вы живете на свете больше полутора лет не старея? Или тупо скажу, что все подделка, чушь, сходите с ума без моей компании, и выметайтесь из моего дома? Нет... Я привык доверять фактам, и умом понимал, что все представленные материалы действительно подлинники, в этом нет сомнений. И сопоставление документов, дат, фактов несомненно доказывали то, что история моего приятеля длится действительно больше полутора лет. Эта история только что была представлена мне в документах. Полтора лет он не стареет: на всех фото, сделанных в разное время, один и тот же человек со шрамом, сидящий сейчас напротив меня. Но это было невероятно, необъяснимо, беспрецедентно. Я не мог предположить хоть какое-нибудь, даже самое слабенькое объяснение феномена. Да и зачем? Зачем ему нужно, чтобы я поверил? Что ему от меня-то нужно? Вот был главный вопрос в моей голове. Ответ на него дал бы ответ и на вопрос «как?». Как у него это получилось?

– Не знаю... Ничего не скажу. Очень похоже на правду, но...

– Но это невероятно. Верно?

– Верно.

– И что мне от вас нужно? Угадал?

– Да. Зачем вам это нужно?

– Отлично. Я не прошу вас комментировать. Я вижу, что вы готовы слушать меня дальше. Итак, мы можем переходить к следующей части нашей встречи. Вы получите ответ на главный вопрос: как у меня это получилось. И поймете, наконец, зачем я здесь, и что мне от вас нужно.

Он достал из саквояжа диктофон. Объяснил, что дальнейшую нашу беседу необходимо записывать. Поскольку информация, которую он будет излагать, должна быть сохранена и после изложена в точности, без домыслов и сомнений. Видя мой недовольный взгляд (я неловко себя чувствую как перед камерами, так и зная, что мой голос записывается), мой гость сказал, что диктофон останется у меня, и взял с меня слово, что после завершения работы я сотру запись: он не хочет, чтобы его узнали по голосу, и в этом он мне абсолютно доверяет. Я согласился и дал слово. В моей просьбе оставить мне на время документы для более детального анализа приятель отказал. Сказал, что естественно доверяет мне, но по воле случая, по независимым от меня причинам, документы могут быть утеряны, а это в свою очередь может осложнить ему жизнь. Для дела, за которым он ко мне пришел, считает предшествующее ознакомление с документами вполне достаточным. Далее он попросил кружку чая. Пока я занимался приготовлением чая, мой гость проверил работоспособность диктофона, сделал пробную запись, подготовил запасные батарейки.

После окончания записи мой приятель прослушал ее и стер некоторые моменты. На месте стертых частей я поставил вот такие знаки: [...]. Запись нашей беседы получилась отличного качества, и я гарантирую, что при составлении транскрипции не упустил ни одного слова, свидетельствую, что ничего не добавил от себя, ничего не убрал. Единственное творчество, проявленное мной при составлении транскрипции, – это знаки препинания. Я четыре раза проверил соответствие аудиозаписи и получившегося текста, и свидетельствую об их полной аутентичности. После завершения написания транскрипции я, как обещал, стер аудиозапись.

Далее, следуя инструкциям моего приятеля, я прекращаю изложение от своего лица и предлагаю Вашему вниманию транскрипцию нашего дальнейшего разговора.

ТРАНСКРИПЦИЯ

Я: – Прошу вас.

Он: – Отлично! Спасибо... Мгм... Вы, мой дорогой приятель, стали просто непревзойденным мастером в приготовлении чая. Это я вам авторитетно заявляю.

Я: – Спасибо. Очень лестно.

Он: – Ну что вы... Какая лесть? Это простая констатация факта. Чай действительно чудо, как хорош. Мгм... Итак, диктофон включен. Перейдем собственно к делу, за которым я здесь. С вашего позволения, я еще раз начну с самого начала. Вы не против?

Я: – Не против. Вам виднее, с чего начинать.

Он: – Да... Ну что ж, извольте... Как я уже говорил, родился я в одна тысяча восемьсот тридцать пятом году. История моего детства и юности к делу отношения не имеют, поэтому позволю себе эту историю опустить. В тысяча восемьсот шестьдесят третьем году в Париже, уже после окончания Сорбонны, я случайно познакомился с одним англичанином. Оказалось, что отцы наши состояли в переписке уже много лет, и мы слышаны друг о друге. Англичанин этот, несмотря на относительную молодость (ему было что-то около 35 лет), уже был членом совета Королевского Географического общества. Имени его я называть не буду, это тоже не имеет отношения к делу. К моменту нашего знакомства за плечами у него были две интереснейшие археологические экспедиции, и он готовил третью. Надо сказать, что право в Сорбонне я изучал не столько по собственному... ммм... желанию, сколько по воле отца. Он говорил, что физикой да математикой не прокормишься в случае чего, а вот юриспруденция – это всегда верный кусок хлеба.

Я: – Хм... Ничего не поменялось.

Он: – Да, это верно. Так вот, волю отца я исполнил, но совершенно не рвался ни домой в Петербург, ни ээ.. применять полученные в Париже знания. Тем более, в этом не было и финансовой необходимости. Я был молод, здоров и умен, жаждал славы и приключений. Поэтому, когда я услышал о готовящейся экспедиции от моего нового-старого знакомого, я естественно напросился к нему в команду. Помимо моего здоровья и физико-математического образования, экспедиции могли пригодиться и мои деньги. Кроме того, я прослушал несколько лекций в университете Сорбонны, темой которых были исследования как раз тех мест, куда направлялась экспедиция. И некоторое время тема археологии меня живо интересовала. [...] Деньги, я думаю, стали решающим фактором. Одним словом, меня приняли. Экспедиция готовилась более полугодом, о ней много говорили, писали в газетах, как вы видели. Тогда эта тема была довольно популярной. Но это все неважно. Важно то, что весной одна тысяча восемьсот шестьдесят пятого года мы тронулись в путь. Мы – это девять человек, включая вашего покорного слугу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.